

ПЛЮСЫ ПЬЕСЫ И МИНУСЫ СПЕКТАКЛЯ

Борис БУРКАТОВ

РОВНО десять лет назад на Украине впервые прозвучали аплодисменты в адрес самобытного дарования Алексея Коломийца. Его «Фараоны» вошли в репертуар многих театров республики, перешагнули ее границы, снискав признание зрителей в Москве, во многих театрах Советского Союза и за рубежом.

Успех обвязывает. Однако у драматургов вслед за удачным дебютом нередко последующие произведения оказываются менее удачными.

И у А. Коломийца некаждая новая вещь прочно сохраняется в репертуаре. Скажем, такие пьесы, как «Двенадцатый час» или «Бокал вина для адвоката», прошли в отдельных театрах, выдержав всего один сезон. Зато наряду с «Фараонами» до сих пор живут его «Планета Надежд», «Спасибо тебе, моя любовь!», «Горлица», созданные несколько лет назад и совсем недавно удостоенные премии Николая Островского.

Присуждение А. Коломийцу именно этой премии является вполне закономерным: почти все его пьесы, включая и совсем новую — «Первый грех», посвящены главным образом молодежи.

Пафосом молодости, романтической розвышенностью, моральной чистотой и свежестью определяется особый духовный колорит произведений А. Коломийца.

Даже беглая характеристика пьес драматурга помогает обнаружить то, что в них дорого: одолевающая карьеризм и приспособленчество

одержимость в служении людям («Чабрец пахнет солнцем»), бескомпромиссный вызов силам, пре- граждающим путь к нашей великой конечной цели («Прошу слова сегодня»), одухотворенная высокими идеалами преемственность поколений («Планета Надежд», «Горлица»), родниковая прозрачность и животворное богатство чувств, формирующих сознание и деятельность молодых людей («Спасибо тебе, моя любовь!»), раздумья над причинами неправильного воспитания и средствами их устранения, утверждение здорового начала в характере современной молодежи («Первый грех»).

Но, как известно, достоинства художественного произведения было бы неправильно усматривать только в его теме и проблемах. Пьесы А. Коломийца потому и пользуются успехом, что им присущи вдумчивый отбор и философское освещение жизненных явлений. Смелость в постановке вопросов, волнующих широкие круги общественности, продиктована страстным вторжением в действительность во имя того, чтобы жизнь стала поэтическое, красное. А. Коломиец нигде не предстает пассивным созерцателем, равнодушным регистратором событий. Во всем, что написано им, ощущается четкость и действенность авторской позиции.

Вслушаемся в мысли нескольких его героев:

ДОЦЕНКО (с горечью). Пожалуй, самое большое наше зло в том, что мы все откладываем на завтра. Встречаемся с неподлаждами в быту?

ОБСУЖДАЕМ
ПРОБЛЕМЫ
ДРАМАТУРГИИ

бе, моя любовь!», смены картин минувшего и грядущего («Горлица»), ретроспекций в недавнее («Первый грех»). Чередование двух планов позволяет драматургу объемнее исследовать характеры, полнее воплощать замысел, ярче развертывать и насыщать действие.

НО... НЕСОМНЕННОЕ своеобразие, плюсы литературного первоисточника, как показывает опыт, нередко обираются минусами в сценическом производстве. Далеко не каждому театру дается органическое сочетание обоих планов — переходы между ними порой осуществляются навязчиво. Снижение, либо потеря художественного такта пагубно сказываются в тех сценах, где, поддавшись соблазну ложной эффективности, актер, не сдерживаемый режиссером, прибегает к примелькавшимся штампам.

Тем самым утрачивается проникновенность. На сцене сохраняется лишь «каркас» сюжета. В произведениях, подобных пьесам А. Коломийца, это ведет к полному иска- жению замысла. Драматическая поэма, лишенная внутренней романтики, обрачивается чуть ли не детективом.

Случается это чаще в тех случаях, когда режиссер берется за постановку без глубокого убеждения, что именно эта пьеса заслуживает его почерку, его творческим целям.

А бывает иначе. Постановщик и рад бы воплотить драматургическое произведение с необходимой тонкостью, филигранностью, но условий для этого нет.

Автор этих строк имел возможность сопоставить ряд спектаклей по пьесам А. Коломийца в Киевском академическом театре имени И. Франко, осуществленных В. Лизогубом, и в Херсонском областном театре — в постановке Н. Равицкой.

Надо сказать, что в обоих театрах к творчеству А. Коломийца относятся с любовью и уважением. И все же не всегда эта доброжелательность завершается положительно. Разумеется, областной театр располагает более скромными возможностями, нежели столичный, к тому же академический. Тем не менее спектакли херсонцев иногда отличались большей цельностью и яр-

костью. А в Киеве А. Коломийцу даже пришлось отложить премьеру «Спасибо тебе, моя любовь!». Пьеса готовилась параллельно с «Уриэлем Акостой», на которого тогдашняя дирекция делала «ставку» и потому заняла в нем весь ведущий актерский состав, истратила большие средства на костюмы и декорации, изыскала много времени для репетиций. Группа, работавшая над пьесой А. Коломийца, была поставлена в иные условия и по актерским силам, и по материальным возможностям, и по времени.

Потребовались дополнительные меры, чтобы спектакль «Спасибо тебе, моя любовь!» увидел свет, рампы.

Отнюдь не положительный опыт киевлян, к сожалению, повторился по недавней постановке «Первого греха» во Львовском театре имени М. Заньковецкой. Готовили пьесу параллельно с «Чайкой», которой в свою очередь уделили гораздо больше внимания. Короче говоря, работали над современной пьесой вспыхах, чтобы любой ценой показать ее к закрытию сезона, не проявляли должной требовательности к подбору исполнителей, к оформлению, да и саму пьесу режиссер М. Гильяровский прочел недостаточно углубленно. Не удивительно, что спектакль получился неровный, неточный по акцентам.

На генеральной репетиции автору пришлось категорически возразить против выпуска спектакля. Но театр не посчитался с возражением, показал, если можно так выразиться, полуфабрикат. И вызвал единодушный протест общественности. Жизнь премьеры ограничилась нескользкими вечерами.

Почему же судьба пьес несомненно самобытного современного драматурга так кипризна? Мне думается, в некоторых театрах происходит недопустимая нивелировка творческого почерка авторов. В этих театрах трактуют самые разные произведения на один привычный манер, недооценивают идеиную глубину, художественную ценность пьес, считая их «безропотными» материалом для своих досужих экспериментов.

Однако вернемся к А. Коломийцу. Чтобы донести романтическую приподнятость, поэтичность и философ-

скую насыщенность его пьес, избежав при этом конфликта с их самобытностью, требуется не декламация зазубренного, а всестороннее проникновение в авторский текст, подлинное режиссерское и актерское новаторство, отнюдь не равнозначное произволу.

Требуется то, о чем постоянно заботился К. С. Станиславский: «Чем сложнее внутренняя жизнь человеческого духа, изображаемого образа, тем тоньше, непосредственнее, художественное должно быть воплощение». И еще: «Я думаю, что простой зритель поймет все то, что правдиво и художественно, но только при одном условии, чрезвычайно важном: основная мысль пьесы должна быть проведена ясно, просто, правдиво, ярко по краскам».

Забвение этих требований жестоко мстит за себя. Так, например, в адрес Киевского театра имени Леси Украинки, одного из лучших в республике, нередко звучат упреки, связанные с постановками режиссера Э. Митницкого.

Известны весьма определенные указания Министерства культуры СССР и Министерства культуры союзных республик о всемерном, в частности, материальном поощрении режиссур за успешное осуществление первых постановок пьес о нашей действительности, есть приказы о том, что постановки таких пьес нужно поручать наиболее опытным режиссерам, существуют рекомендации занимать в них лучшие силы, обеспечивать эти постановки всем необходимым.

Однако благие намерения еще весьма далеки от повсеместного претворения в жизнь с такой же четкостью, с какой они зафиксированы.

Зритель ждет высокоталантливых пьес о наших днях, а их способны создать лишь яркие драматургические дарования. О таких дарованиях и следует постоянно проявлять подлинную заботу, память, что их судьба, как убеждают факты, во многом и едва ли не главным образом зависит от театра. Следовательно, чем полнее, плодотворнее станет содружество театра с драматургами, тем более верным будет дальнейший подъем нашей театральной культуры.

КИЕВ

и сценическому обаянию А. Роговцевой, исполнительницы роли Гелены.

Э. Митницкий счел возможным отклонить решительный протест Л. Зорина в связи с бесцеремонным обращением с его пьесой. Узнав об этом протесте, Э. Митницкий в присутствии автора этих строк безапелляционно заявил директору театра и главному режиссеру:

— Я не ремесленник и с пьесами, которые мне поручено ставить, буду поступать, как нахожу нужным, а подаваться авторскому произволу (!) не собираюсь.

Что и говорить, «оригинальное» понимание искусства и ремесла, творческой воли и произвола.

Подобные факты, свидетельствующие о незавидной участи пьес даже признанных авторов, конечно, не стимулируют притока свежих сил в драматургию, не прибавляют заинтересованности в работе над современной темой.

Известны весьма определенные указания Министерства культуры СССР и Министерства культуры союзных республик о всемерном, в частности, материальном поощрении режиссур за успешное осуществление первых постановок пьес о нашей действительности, есть приказы о том, что постановки таких пьес нужно поручать наиболее опытным режиссерам, существуют рекомендации занимать в них лучшие силы, обеспечивать эти постановки всем необходимым.

Однако благие намерения еще весьма далеки от повсеместного претворения в жизнь с такой же четкостью, с какой они зафиксированы.

Зритель ждет высокоталантливых пьес о наших днях, а их способны создать лишь яркие драматургические дарования. О таких дарованиях и следует постоянно проявлять подлинную заботу, память, что их судьба, как убеждают факты, во многом и едва ли не главным образом зависит от театра. Следовательно, чем полнее, плодотворнее станет содружество театра с драматургами, тем более верным будет дальнейший подъем нашей театральной культуры.